

В АМЕРИКАНСКОМ издательстве «Appleton-Century» вышла объемистая книга Дэна Левина «Буревестник. Жизнь и творчество Максима Горького». Книга очень хорошо оформлена. Ее суперобложку украшает превосходно воспроизведенный портрет Горького. На этой же суперобложке напечатана издательская аннотация, в которой сказано, что книга Дэна Левина — «блестящее и беспрецедентное исследование», что в ней «устраняются искажения облика Горького» и «открывается новый Горький — настоящий Горький».

Отмечая великодушное знание автором «русской литературы и русского языка», издательство сообщает: «Пять лет в Америке и в России он посвятил исследовательской работе и написанию книги «Буревестник...» Сам автор в предисловии, носящем название «Благодарность»; указывает, что он пользовался услугами библиотеки Чикагского университета и Нью-Йоркской публичной библиотеки, а также московских библиотек. Итак, поначалу читатель может подумать, что имеет дело с серьезным научным исследованием, результатом многолетнего труда.

Но чем больше углубляешься в рассуждения Дэна Левина, тем большее недоумение и возмущение вызывают они.

Дэн Левин утверждает, что Горький в конце жизни испытывал духовное смятение и выразил его в пьесе... «Зыковы». Оказывается, эта пьеса полна намеков на события 30-х годов и в ней содержится скрытая характеристика... советской действительности. В пьесе есть слова одного из персонажей о том, что он наблюдает Россию в течение восемнадцати лет. Дэн Левин «поясняет»: «18 лет прошло с 1917 по 1935 год». Настойчиво утверждая, что в пьесе «Зыковы» выражено отношение к советской действительности, он пишет: «По всему видно, что последняя загадочная пьеса Горького — это эхо той внутренней борьбы, которая волновала партию и правительство». У Дэна Левина нет сомнений в том, что в образе Муратова дан «портрет»... Сталина. О Шохине он говорит с меньшей уверенностью: «Кто такой Шохин в действитель-

МЕТОДОМ ПОДЛОГА

С. БРОДСКАЯ, Б. БЯЛИК

ной жизни — Менжинский? Погорбинский?»

Ну что за дикая чепуха! — воскликнули мы, дойдя до этих страниц книги. Неужели ее автор не знает, что пьеса «Зыковы» написана не в 1935, а в 1913 году и тогда же опубликована? Но вот читаем дальше: «Вторая пьеса в последний трагический год жизни Горького — «Последние...» «Последние», как известно, написаны и опубликованы в 1908 году. Дэн Левин же заявляет, что «за игрой абстракций» в пьесе «Последние» «скрывается душераздирающее биографическое признание» — признание Горького в том, какое впечатление произвела на него Советская Россия в 30-е годы (!).

Может быть, мы имеем дело с проявлением крайнего невежества? Нет, тут дело в другом. Нелепости в этой книге имеют свою логику, свою отчетливую идеологическую целенаправленность.

Книга с названием «Буревестник» стремится доказать, что Горький стал буревестником революции лишь под влиянием неосознанного, стихийного порыва и что этот порыв сыграл роковую роль в его судьбе. Оценивая, в частности, «Песню о Буревестнике» и ее влияние на революционных борцов, Дэн Левин заявляет: «Написанная дилетантом, который вряд ли знал, что делает, она помогла воспитать поколение профессионалов». Он пишет: «Левин воспользовался этим хаотическим юношеским взрывом... использовал этот незрелый плод горьковского гнева».

Все эти утверждения нагромождаются для того, чтобы поразить читателя сенсационным сообщением, будто Горький сам признал в конце жизни ошибочность своего прихода в стан революционных борцов. Разумеется, это — заведомая ложь, опровергаемая многими широко известными заявлениями Горького, всем его жизненным и творческим путем. Но Дэн Левин для того и написал свою книгу, чтобы выдать ложь за правду, а правду — за ложь.

Мы уже говорили о том, как

«расшифровал» Дэн Левин пьесы «Последние» и «Зыковы». А вот как он «расшифровывает» в пьесе «Егор Булычов и другие» слова Булычова: «...не на той улице я живу! В чужие люди попал, лет тридцать все с чужими». Смысл этих слов ясен читателям и зрителям горьковской пьесы: выходец из народной среды, Егор Булычов, переживая трагическое прозрение, осознает, что погубил себя, когда за тридцать лет до этого (события пьесы развертываются в 1917 году, в канун социалистической революции) соединил свою судьбу с судьбой буржуазного класса. А Дэн Левин уверяет, что это... сам Горький устами Булычова признался в 1931 году в том, что за тридцать лет до этого «совершил ошибку, заняв свое место в рядах врагов буржуазии! Можно ли идти дальше по пути фальсификации и лжи?»

Дэн Левин вполне сознательно обманывает американских читателей, рассчитывая на их неосведомленность.

Задавшись целью бросить тень на дружбу Горького с Лениным, на глубокую духовную связь великого писателя-революционера с Коммунистической партией, Дэн Левин, кажется, все делает для того, чтобы получили лишнее подтверждение слова Горького, сказанные им в очерке «В. И. Ленин»: «...клевета и ложь — узаконенный метод политики мещан...». Дэн Левин цитирует, например, последнюю фразу этого очерка, написанного Горьким в 1924 году и значительно дополненного в 1930 году: «Владимир Ленин умер. Наследники разума и воли его — живы. Живы и работают так успешно, как никто, никогда, нигде в мире не работал». Приведя эти замечательные слова, в которых выразилась вся любовь Горького к Коммунистической партии — партии Ленина, Дэн Левин пишет: «Редакторы говорят, что Горький внес это изменение в 1930 году. Возможно. Однако содержание и стиль этого дополнения, искажающего по-

следнюю фразу очерка, говорят о том, что оно сделано скорее всего от имени Горького после его смерти». Дэн Левин, работавший пять лет в американских и советских библиотеках, не может не знать, что окончательная редакция очерка «В. И. Ленин» с приведенной последней фразой была опубликована самим Горьким в 1930 году и потом публиковалась несколько раз при жизни автора. «Допущение» Дэна Левина, что кто-то сфабриковал за Горького его вдохновенные слова о партии, — сознательная ложь.

Одна из подтасовок Дэна Левина носит особенно возмутительный характер. Дэн Левин приводит слова, которые Горький произнес, умирая: «Будут войны», «Надо готовиться», «Надо быть застенутыми на все пуговицы...» Нельзя не испытывать глубокого волнения, перечитывая эти слова: великий художник думал в последние минуты своей жизни о тех, кто остается, предупреждал человечество о грозящей миру фашистской опасности. Дэн Левин готов без тени смущения опорочить даже эти слова: он уверяет, что они были сочинены за Горького, чтобы оправдать... незаконные репрессии 1937—1938 годов.

Не говоря уже о полной нелепости толкования Дэном Лениным этих слов, — как «управляется» он с датой их публикации? В изданной у нас «Летописи жизни и творчества А. М. Горького» ясно сказано, что они были впервые воспроизведены через два дня после кончины Горького, в газетной корреспонденции, напечатанной 20 июня 1936 года. Дэн Левин цитирует эти слова по «Летописи», ссылаясь на «Летопись» — и тем не менее пишет: «это опубликовано в 1940 году». Что можно сказать об «ученом», которого надо каждую минуту ловить за руку, чтобы не стать жертвой его очередной проделки?

Вернемся к пьесам «Последние» и «Зыковы». Конечно же, Дэн Левин превосходно знает, когда написаны эти пьесы, — его

с головой изобличает то место книги, где речь идет о переработке Горьким этих пьес. Дэн Левин пишет: «К 1935 году Горький увидел реальную действительность... Ясно, что он был потрясен тем, что увидел, и вряд ли знал выход. Все, что он чувствовал, выражено в двух пьесах, которые он написал за двадцать пять лет до этого на Капри, а затем, в последние годы своей жизни, переработал, одев мрачную современность в одежды прошлого». Поскольку Дэн Левин сликает разные редакции этих пьес, ему не может не быть известно, что «Зыковы» в 30-е годы вообще не перерабатывались, а правка «Последних» совершенно не коснулась основного содержания пьесы, ее сюжета, характеров, не коснулась ни одного из тех мест, ни одной из тех реплик, на которые «опирается» Дэн Левин в своем «анализе». Все это было написано Горьким до Октябрьской революции, и все это было направлено против царизма и капиталистического строя. Попытка переадресовать это советской действительности — прямой подлог.

То же самое следует сказать и о заверениях Дэна Левина, что пьеса «Зыковы» в Советском Союзе «никогда не могла быть поставлена», что советским читателям и зрителям «...«Зыковы» почти, а «Последние» совершенно неизвестны». Обе пьесы вошли во многие прижизненные собрания сочинений Горького, а после его смерти — в тридцатитомное собрание, изданное трехсоттысячным тиражом, и в другие издания. Обе пьесы ставились в десятках советских театров, а их постановки получили множество откликов в советской печати. Пьесу «Последние» — одну из самых репертуарных пьес Горького — можно, к примеру, увидеть сейчас в Москве на сцене Театра имени Ермоловой, где она с успехом идет уже несколько лет.

Книга Дэна Левина не имеет никакого отношения ни к науке, ни к литературе. За научное исследование выдана политическая фальшивка.